

Задворная Елена Геннадиевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Alena Zadvornaya

Habilitation Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
egz0201@gmail.com

КОММУНИКАТИВНАЯ РЕЗИСТЕНТНОСТЬ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ

COMMUNICATIVE RESISTANCE IN INTERPERSONAL COMMUNICATION

Статья посвящена феномену коммуникативной резистентности, понимаемому как умение или склонность адресата противостоять коммуникативному воздействию, оказываемому на него адресантом. Выделяются и анализируются три группы причин резистентного коммуникативного поведения в межличностной коммуникации, связанные со спецификой информации, с характеристиками адресанта и с особенностями адресата.

Ключевые слова: *коммуникативная резистентность; коммуникативное поведение; межличностное общение; говорящий; слушающий; информация.*

The article is devoted to the phenomenon of communicative resistance understood as the addressee's ability or tendency to resist the communicative impact made on him/her by the addresser. The author singles out and analyzes three groups of reasons for resistant communicative behavior in interpersonal communication, which are connected with the nature of information, the addresser's characteristics and the addressee's peculiarities.

Key words: *communicative resistance; communicative behavior; interpersonal communication; the speaker; the listener; information.*

Одним из приоритетных направлений исследований в современной лингвопрагматике является анализ ситуаций неэффективного, дисгармоничного, некооперативного, деструктивного речевого воздействия и взаимодействия, причем круг традиционно изучавшихся объектов (коммуникативные сбои, осечки, неудачи, провалы) активно расширяется в последние десятилетия за счет таких феноменов, как псевдо- и квазикоммуникация, вербальная агрессия, коммуникативный саботаж, коммуникативные провокации, лингводемагогия, манипулирование и др. Этот тренд вполне понятен и закономерен. Во-первых, он отражает естественное развитие исследовательских интересов от изучения относительно простых коммуникативных ситуаций к анализу прагматически усложненных контекстов (понятно, что коммуникация, протекающая беспрепятственно и «по правилам», в аналитическом отноше-

нии прозрачнее, чем та, в которой либо не соблюдаются предпосылки успешности / эффективности коммуникации, либо нарушаются какие-либо коммуникативно-этические нормы). Во-вторых, без глубокого и тщательного анализа названных явлений невозможно полноценное изучение определенных коммуникативных сфер (ср., например, роль манипулирования в рекламной коммуникации). В-третьих, анализ подобных феноменов способствует разработке практических рекомендаций по оптимизации коммуникативных процессов и весьма полезен для создания и совершенствования компьютерных диалоговых систем.

При изучении практически любых видов «проблемной» коммуникации в центре внимания, как правило, оказывается тот вклад, который в порождение коммуникативных затруднений и осложнений вносит говорящий, выступающий в роли стороны, вольно или невольно провоцирующей коммуникативные конфликты или коммуникативные неудачи, использующий демагогические или манипулятивные приемы и т.д. Безусловно, в поле зрения лингвистов периодически оказываются и реактивные речевые действия: во-первых, некоторые из названных явлений могут носить как иницирующий, так и ответно-оборонительный характер; во-вторых, речь идет о сложных, комплексных коммуникативных феноменах, сущность которых выявляется не только и не столько в воздействии, сколько во взаимодействии, что требует анализа речевого вклада обоих коммуникантов. Тем не менее общая картина распределения исследовательских усилий свидетельствует о том, что главным действующим лицом коммуникативных сюжетов обсуждаемого типа остается говорящий, а приоритетным объектом анализа – иницирующие речевые действия. Как представляется, одним из любопытных феноменов, изучение которого могло бы быть весьма эффективным в плане некоторой коррекции этой асимметрии, является феномен коммуникативной резистентности.

Термин *резистентность* был заимствован гуманитаристикой из естественных наук, где он обозначает «невосприимчивость организма (популяции, биоценоза) к воздействию различных факторов (например, к ядам, загрязнителям, паразитам, болезням)» [1]. В психологии, как отмечается в «Современной психологической энциклопедии», этот термин «иногда используется в широком смысле (например, сопротивление внешнему воздействию или нежелание выполнять приказы)» [2]. Весьма эвристически ценной представляется трактовка понятия резистентности в философско-социологической аранжировке, представленной в работах Д. Г. Михайличенко, где под резистентностью понимается «целенаправленный процесс противодействия субъекта тем или иным социальным действиям или процессам» [3], или «целенаправленный процесс защиты, нейтрализации, сопротивления, противодействия тем или иным социальным действиям или процессам» [4].

Экстраполируя последнее понимание в сферу анализа речевого поведения, резистентность можно интерпретировать как склонность / умение / способность / потребность адресата противостоять определенным типам коммуникативного воздействия, оказываемого на него адресантом.

Анализируемый феномен может изучаться в самых разных ракурсах и аспектах, что обусловлено его гетерогенностью и вариативностью.

Так, сопротивление коммуникативному воздействию может осуществляться и в предельно мягкой, и в максимально жесткой форме, ср.:

(1) *Тетка взглядывалась и медленно трясла головой.*

– *Как хочешь, та chère, а я бы на твоём месте взяла pensee или палевые <ленты>.*

– *Нет, та tante, я лучше вот эти возьму, – говорила Ольга мягко и брала, что ей хотелось* (И. А. Гончаров. Обломов) – мягкий, тактичный отказ от совета.

(2) *Когда он был мальчиком, он из боязни, что отец разубедит его в споре, закрывал уши ладонями, кричал: «Не хочу слушать, не хочу, не хочу...»* (В. Гроссман. Жизнь и судьба¹) – эмоционально окрашенный и усиленный характерным жестовым сопровождением радикальный отказ от коммуникативного взаимодействия.

Резистентность по отношению к оказываемому воздействию может носить явный (см. контексты 1, 2) и скрытый характер, ср.:

(3) *Бабка почему-то рассердилась и хлестнула его лестовкой, но потом сказала, чтобы он про всякую дурость не думал, – бог везде, только его никто не видит.*

Сашук подумал, что это какая-то липа, но промолчал, чтобы бабка снова не огрела лестовкой (Н. Дубов. Мальчик у моря; НКРЯ).

Резистентность может быть осознаваемой либо не осознаваемой самим субъектом, локальной или обобщенной, устойчивой (постоянной) или временной и т. д. (подробнее см. вариант классификации разновидностей резистентности, предложенный в работе [5]).

В настоящей статье представляется целесообразным остановиться на таком важном аспекте феномена коммуникативной резистентности, как причины резистентного коммуникативного поведения. Учитывая, что эти причины могут существенно различаться в зависимости от типа дискурса, в рамках которого осуществляется коммуникативное взаимодействие, ограничимся анализом иллюстрирующих разговорную межличностную коммуникацию диалогических фрагментов, отобранных преимущественно из русскоязычных художественных текстов (основным источником материала послужил Национальный корпус русского языка).

---

¹ Здесь и далее примеры из Национального корпуса русского языка сопровождаются аббревиатурой НКРЯ.

На наш взгляд, причины резистентного поведения, реализуемого в данной коммуникативной сфере, могут быть объединены в три большие группы: 1) мотивированные спецификой информации, 2) обусловленные особенностями говорящего / адресанта и 3) связанные с характеристиками слушающего / адресата.

1. Характер информации

Риск реализации резистентного коммуникативного поведения возрастает в следующих случаях.

✓ Адресат воспринимает информацию как банальную / скучную / избыточную / надоевшую, ср.:

(4) Обед прошел вполне благополучно, но когда ушли в кабинет пить кофе, началось объяснение. Зинаида Федоровна заговорила о чем-то быстро, вполголоса, она говорила по-французски, и речь ее журчала, как ручей, потом послышался громкий вздох Орлова и его голос.

– Боже мой! – сказал он по-французски. – Неужели у вас нет новостей посвежее, чем эта вечная песня о злодейке горничной?

– Но, милый, она меня обокрала и наговорила мне дерзостей.

– Но отчего она меня не обкрадывает и не говорит мне дерзостей? Отчего я никогда не замечаю ни горничных, ни дворников, ни лакеев? Милая моя, вы просто капризничаете и не хотите иметь характера (А. П. Чехов. Рассказ неизвестного человека).

Подчеркнем, что речь идет не об объективных свойствах информации и не о ее оценке говорящим (в частности, в приведенном выше фрагменте героиня пытается обсудить то, что ее действительно оскорбляет и мучает), а о ее субъективной интерпретации слушающим. Даже если информация объективно является для адресата весьма полезной и важной, но он считает ее избыточной и ненужной, то отторжение такой информации является весьма вероятным.

✓ Адресат интерпретирует информацию как нерелевантную / бесполезную:

(5) ...Просто некоторые его черты, прежде скрытые, латентные, так сказать, могут со временем проявиться. А те, кого это удивляет, просто плохо были с этим человеком знакомы.

Крюков сунул в рот папиросу.

– Что вы съезжаете на какую-то ерунду? При чем тут квартиры? Не в этом дело (А. Белозеров. Чайка; НКРЯ).

Данный параметр оценки может совмещаться с предыдущим (легко представить ситуацию, когда информация одновременно воспринимается и как скучная, и как бесполезная), но может носить и автономный характер. Характерным признаком интерпретации информации как имеющей содержательную ценность, но при этом ненужной / нерелевантной является использование высказываний типа *Все это, конечно, очень интересно, но...*

(6) *Государственное значение... Полная самостоятельность... Внимание, уделяемое Академией наук...*

– *Да, все это очень интересно*, – вздохнул Андрей. – **Очень. Но мне хочется решить другую задачу** (Д. Гранин. Искатели; НКРЯ).

Ср. также любопытный вариант «полурезистентности», когда полного отторжения сообщения не происходит, но в то же время адресат фиксирует ограниченность своего восприятия информации (в данном случае художественной), которая интерпретируется им как ценная, но лично для него мало-релевантная:

(7) – *Знаешь, Крис, – вырвалось у него, – когда я в твои годы читал великих писателей, по-настоящему великих, изображенные ими страдания души иногда ужасали меня, иногда вызывали недоумение, иногда забавляли. Но я не чувствовал своей близости к ним. Мучается Гамлет. Интересно, но какое отношение это имеет ко мне? Ведь это было давно и с другими, сейчас не те времена, да и я не Гамлет* (Д. Биленкин. Космический бог; НКРЯ).

✓ Полученная информация противоречит системе знаний, убеждений, взглядов, воззрений реципиента.

Известно, что сообщение информации, не соответствующей картине мира адресата, его сложившимся представлениям об определенном фрагменте реальности, может наталкиваться на коммуникативные блоки, преодоление которых зачастую оказывается весьма непростой и нетривиальной задачей:

(8) – *Повторяю, Володя мой самый близкий друг. Со мной он не станет темнеть.*

– *А если выяснится, что ты был слеп и твой друг не стоит доброго слова, что тогда?*

– **Такого просто не может быть, Маша. Это так же абсолютно, как вращение Земли вокруг Солнца. Иначе просто не может быть** (Еремей Парнов. Третий глаз Шивы; НКРЯ).

Интересно, что такой вариант резистентности может реализоваться даже в том случае, если информация обладает высокой степенью достоверности, что порождает множество парадоксальных сочетаний типа *знаю / вижу / понимаю / чувствую, но не верю*, ср.:

(9) – *... случай с Вовчиком меня беспокоит. Вдруг это у них свойство такое, у этмангасов...*

– *Никак не могу поверить*, – сказал растерянно Коминт. – **Вот слышу, понимаю, а поверить все равно не могу** (А. Лазарчук, М. Успенский. Посмотри в глаза чудовищ; НКРЯ);

(10) *... Ан. заметалась и затомилась, говорила много и сразу ласковых слов, как обычно не делает. И затем спросила: «Думаешь ты, я верная тебе?» Отвечал, что думаю – неверная, но не верю чувством своим этому* (Н. Н. Пунин. Дневник. 1923 год; НКРЯ).

✓ Адресат воспринимает информацию и – шире – речевые действия собеседника как травматичные / неприятные / обидные.

Этот вариант резистентности особенно важен для межличностного общения, которое отличается особой эмоциональной насыщенностью и значимостью эмоционального фона речевого взаимодействия, см. контекст 2, где мальчик кричит, затыкает уши и отказывается слушать отца именно потому, что переживает интенсивные негативные эмоции (ребенку очень обидно и неприятно проигрывать в споре, что неизбежно в силу несопоставимости аргументационных ресурсов, которыми располагают собеседники).

Данный случай также может комбинироваться с предыдущим вариантом, т. е. информация может интерпретироваться одновременно и как противоречащая представлениям / убеждениям / знаниям адресата, и при этом как обидная / неприятная / оскорбительная. По нашим наблюдениям, это один из тех случаев, которые провоцируют максимально резкое проявление резистентности в форме полного и категоричного отказа от дальнейшей коммуникации:

(11) <Степан просит Ташу объяснить странные обстоятельства преступления. Она глубоко оскорблена тем, что он может даже предположить ее причастность к случившемуся>.

– *Должно быть объяснение...*

– *Уходи отсюда, – тяжело дыша, велела Таша. – Убирайся вон! И не смей ко мне подходить и разговаривать со мной! Никогда! <...>*

– *Таша, – сказал он, – так нельзя. Давай нормально поговорим.*

– *Я не хочу с тобой говорить, ни нормально, никак! И не подходи ко мне больше никогда* (Т. Устинова. Ждите неожиданного).

2. Характеристики говорящего

Риски тех или иных проявлений резистентности относительно невысоки, если говорящий отличается такими качествами (по крайней мере, в глазах адресата), как харизматичность / привлекательность, авторитетность / экспертность, беспристрастность / объективность, искренность / честность и т. п., и, соответственно, резко повышаются, если говорящий такими качествами, по мнению адресата, не обладает. Ср. два выразительно контрастирующих контекста, в первом из которых слушающий готов верить говорящему, даже не вполне понимая содержание сообщения, а во втором – отказывается верить практически очевидному факту просто в силу сомнительной (с точки зрения воспринимающей стороны) коммуникативной репутации говорящего:

(12) *Тетя Наташа за полчаса научила Вету играть «Цыганочку» с вариациями.*

– *Не бойся, делай, что хочешь, только не бойся, бери харизмой, – сказала тетя Наташа.*

Вета не знала, что такое харизма. Но тете Наташе, как всегда, поверила слепо и безоглядно (Маша Трауб. Ласточ...кА; НКРЯ);

(13) – *Лаврецкий Федор Иванович приехал.*

– *Федя!* – *воскликнула Марфа Тимофеевна.* – *Да ты, полно, не сочиняешь ли, отец мой?*

– *Никак нет-с, я их самолично видел.*

– *Ну, это еще не доказательство* (И. С. Тургенев. Дворянское гнездо).

3. Характеристики адресата

По отношению к данной группе причин целесообразно различать постоянные и ситуативные характеристики реципиента / слушающего.

Так, человек в целом может отличаться психологическими особенностями, глобально влияющими на моделирование его взаимоотношений с людьми и на специфику восприятия и оценки получаемой информации. Это такие свойства, как лабильность vs. ригидность психики, сформированность vs. несформированность базового уровня доверия (в смысле Э. Эриксона), характер базовой установки – «к людям», «от людей», «против людей» (по К. Хорни) и подобные, обуславливающие порой полярные варианты мировоззрения и поведения личности, ср.:

(14) *Федор был удивительно добр, мягок и ласков. Он был словно влюблен во всех людей, знакомых и незнакомых, радовался им, слушался их и верил безоглядно* (Б. Васильев. Были и небыли; НКРЯ) – тотальное доверие, сводящее вероятность резистентного отношения к коммуникативному воздействию практически к нулю.

(15) *Маша поднесла тарелку с рыбой к носу.*

– *Ты что нюхаешь?* – *удивилась Романова.* – *Не доверяешь?*

– *Просто так,* – *не ответила Маша.*

Она не доверяла никому и ничему. На всякий случай (В. Токарева. Сентиментальное путешествие) – тотальное недоверие, обуславливающее максимально высокую степень резистентности коммуникативного (и, как в приведенном контексте, не только коммуникативного) поведения.

Что же касается ситуативных факторов, провоцирующих резистентное отношение к попыткам коммуникативного воздействия, то они весьма многочисленны и многообразны; отметим одну из основных и наиболее типичных для анализируемого типа общения (т. е. для обыденной межличностной коммуникации), а именно текущее психологическое состояние адресата и сопряженный с ним общий эмоциональный фон общения. Весьма симптоматичным представляется следующий контекст, где адресат испытывает отторжение по отношению к рассуждениям говорящего просто в силу того, что чувствует к собеседнику чисто ситуативную, сиюминутную неприязнь – при том, что излагаемые собеседником взгляды слушающий полностью разделяет:

(16) *И он <Николай> начал рассказывать свои столкновения с новыми учреждениями. Константин Левин слушал его, и то отрицание смысла во всех общественных учреждениях, которое он разделял с ним и часто высказывал, было ему неприятно теперь из уст брата* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Необходимо подчеркнуть, что в конкретной коммуникативной ситуации названные причины резистентного коммуникативного поведения (отметим, что в данной работе выделены лишь основные и наиболее типичные из таких причин) могут образовывать весьма сложные комплексы и выстраиваться в пластичные и подвижные конфигурации, что существенно усложняет анализ контекстов, в которых представлен обсуждаемый вариант речевого поведения. Тем не менее дальнейшее исследование коммуникативной резистентности представляется очень важным в силу ее способности существенно влиять на успешность и конструктивность речевого взаимодействия как в анализируемом типе общения, так и в других коммуникативных сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Резистентность [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_medicine/26464/Резистентность. – Дата доступа : 25.02.2021.
2. Большая психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://psychology.academic.ru>. – Дата доступа : 25.02.2021.
3. Михайличенко, Д. Г. Особенности резистентности современного человека репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции психикой / Д. Г. Михайличенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rezistentnosti-sovremennogo-cheloveka-repressivnomu-vozdeystviyu-tehnologiy-massovoy-manipulyatsii-psihikoy>. – Дата доступа : 23.07.2019.
4. Михайличенко, Д. Г. Феноменология резистентности человека / Д. Г. Михайличенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-rezistentnosti-cheloveka>. – Дата доступа : 24.07.2019.
5. Задворная, Е. Г. О феномене коммуникативной резистентности / Е. Г. Задворная // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология : актуальные вопросы и перспективы развития : матер. IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2020 г. / редкол. : О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2020. – С. 8–12.

Поступила в редакцию 09.08.2021